

Часть первая
ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ,
или
ДОБРЫМ СЛОВОМ И РЕВОЛЬВЕРОМ

ГЛАВА 1

Олег Иванович с Ваней стояли у верхних ступеней самой большой лестницы. Перед ними, внизу, раскинулась панорама Одесского порта. Каменное здание Морского вокзала, бесконечные крыши пакгаузов, стрелы кранов... и корабли — пароходы и парусники! Густой лес мачт, перечеркнутых тонкими поперечинками реев, паутина снастей, и над всем этим — портовый гомон, который долетает даже сюда, через бесчисленные ступеньки самой знаменитой в Европе лестницы.

— Так это, значит, здесь она и катилась?

— Кто? — не сразу понял Олег Иванович. — А, ты о коляске эйзенштейновской¹... Да, наверное. Специалисты уверяют — лучший пропагандистский кадр в истории.

Народу вокруг было море. На белых бесконечных ступенях то там, то здесь виднелись люди — дамы в длиннющих платьях, кавалеры в полотняных парах, мальчишки, няни с детьми в смешных кружавчиках. Ваня с любопытством озирался; в поезде он перечитал одесский цикл Катаева и все старался углядеть вокруг что-то из знакомых по книге реалий. Увы, знаменитые одесские каштаны уже отцвели и не радовали публику стройными, пахучими свечами своих соцветий. Но небо было все так же бездонным и по-южному синим, и все так же несся отовсюду гомон праздной публики. Шум толпы прорезали крики мальчишек-газетчиков и лоточников:

— Семачки!

¹ Знаменитый кадр из фильма Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» — детская коляска, катящаяся по Потемкинской лестнице.

— Свежие газеты!

— Сельтерская!

Олег Иванович еще раз окинул взглядом перспективу Большой Лестницы и повернулся к другой достопримечательности, известной, наверное, любому жителю России¹ — его России. Невысокая фигура в античной тоге стояла так же, как будет стоять и через 130 лет; и полушарие английского ядра точно так же высывалось из гранитного цоколя...

— Ладно, хватит на сегодня экскурсий. Пошли в гостиницу.

— Тоже мне, гостиница! — пренебрежительно фыркнул Ваня. — Бомжатник какой-то.

— Да уж, не пять звезд, — усмехнулся Олег Иванович. — Но по здешним меркам — на три потянет. Помнится, году в семьдесят девятом я был в Одессе со школьной экскурсией — так мы в Доме колхозника жили. Поверишь — там было не в пример комфортнее.

— Поверю, — отозвался Ваня. — Куда уж дальше — разве что жабы под кроватями или грибы по углам. А сортиры... — И мальчик невольно поежился.

В коридорах монастырской гостиницы, где размещались паломники, гуляли сквозняки. Как-то Олег Иванович спросил у монашка, прислуживавшего в номерах, — зачем открывают окна в разных концах коридора? Тот ответил: «Это все из-за уборной».

Не согласиться с этим было трудно. Олег Иванович еще помнил общественные туалеты советских вокзалов и парков; а вот Иван вышел из этого заведения с круглыми от ужаса глазами, а потом долго, ожесточенно мылил руки. Увы, общая умывальня тоже не блистала чистотой.

— Ты уж не суди строго, — добродушно попрекнул сына Олег Иванович. — Все же эта гостиница — для паломников. А те народ неприхотливый, все больше духовных устремлений; есть где голову преклонить — и то ладно.

— Ну да, — буркнул Иван. — Они-то, может, и духовных... а нам, скажи на милость, зачем эти приключения духа? Отлично могли бы и сами устроиться...

¹ Памятник Дюку де Ришелье, главная одесская достопримечательность.

— Э, брат, не скажи, — покачал головой Олег Иванович. — Во-первых, Сирия — это тебе не Ницца. Туда туристы не ездят. Паломники ведь не зря в караваны сбиваются и ходят только устоявшимися маршрутами. Там шаг вправо, шаг влево — и все, ограбят и прирежут. Причем кто угодно — башибузуки, местные бандюки, османские вояки... да и просто феллахи, крестьяне то есть. Для них русские — мало что неверные, так еще и враги; война-то всего десять лет как закончилась, а на Востоке память длинная, и особенно дурная. Обычные пассажирские пароходы в Триполи и Бейрут не ходят: либо грузовые суда, либо вот такие, «ковчеги» «Александрийской круговой линии», заточенные под перевозку паломников.

— Ну, ладно, — вздохнул Ваня, — паломники так паломники. Вообще-то они ничего, прикольные. Я вон столько наснимал, потом покажу. Кстати, Триполи — это же вроде в Ливии? Там еще Каддафи был...

— То другой Триполи. Нефтяной порт, — ответил Олег Иванович. — А этот стоит на удалении от побережья; рядом порт, Эль-Мина. Туда наш пароход и направляется. В Средние века было даже графство такое Триполи, крестоносцы основали.

— Очередной разрыв шаблона, — вздохнул Иван. — И чего только не узнаешь в этих диких временах...

Из путевых записок О. И. Семенова

Перед отъездом посетили представителя Православного Палестинского общества. Весьма солидный господин вручил нам брошюру для ознакомления, а заодно предупредил, чтобы мы не рассчитывали на размещение в Триполи и Малюле: в этом году наплыв паломников, и все, вероятно, уже занято, придется обращаться к грекам.

Выезд из России за границу вообще сопряжен с изрядными хлопотами по части паспорта; однако же иностранные подданные, тем более американцы, от этого избавлены. В сем обстоятельстве можно найти некоторую выгоду — все сомнения, касающиеся нашего въезда на территорию империи через Баку, после эдакого вояжа канут в Лету.

Здесь же мы столкнулись и с иным обстоятельством, которое для нас, обитателей двадцать первого века, привыкших к заказам всего и вся через Интернет, кажется попросту диким. В России 1886 года не существовало предварительной продажи билетов даже на поезда дальнего следования — вообще! То есть приезжай на вокзал, приобретай билет, плацкарту¹ — и в дорогу. На больших станциях продажа билетов начинается за час до отправления, а прекращается за десять минут (для пассажиров с багажом, коим еще предстоит сдать кладь в особый багажный вагон).

Мне приходилось читать о «Международном обществе спальных вагонов», которое ликвидировало это упущение; но здесь о нем еще никто и не слышал. Впрочем, судя по тому, что нам довелось увидеть, особого дефицита мест (во всяком случае, первого и второго классов) здесь не наблюдается; к тому же мы, как подопечные Палестинского общества, были избавлены от этой заботы.

Расписание поездов оказалось для нас так же непривычно: например, время в нем не указывается числительными больше двенадцати часов. Часы от шести вечера до шести утра (пополудни) обозначаются так же от 6.00 до 5.59, только цифры минут подчеркивались, что указывало на ночные часы: крайне неудобно! На станциях, согласно правилам, время прихода и отхода поездов указывалось «по петербургскому и по местному меридиану», на современном нам языке — московское и местное. Вместо привычных надписей «поезд номер такой-то, оттуда-то туда-то» — надпись: «Без пересадки в поезде номер таком-то, такие-то классы вагонов».

Вообще расписание невероятно перегружено всякими неудобочитаемыми сносками, символами и значками, напоминающими какую-то древнюю тайнопись: «Пассажирские операции производятся с расчетом платы от тарифных станций»; «Останавливается по заявлению пассажиров»; «Багажные операции не производятся»; «Продажа билетов только в III класс»; «Пассажиры IV класса только партиями

¹ Дополнительная к проездному билету квитанция на место в вагоне. В отличие от билета (куда включен расход на локомотивную тягу и транспортную инфраструктуру), плата за услуги владельца вагона. Порой плацкартой ошибочно называют плацкартный вагон.

в 40 человек»; «Буфет с холодными закусками в багажном вагоне». Хотел бы я посмотреть на пассажира, который понимает всю эту клинопись...

Поездка на поезде до Одессы первым классом требует отдельного описания в духе «географических» романов конца девятнадцатого века. Классное купе превосходно; даже в СВ¹ я не встречал ничего хотя бы близко подобного. Как тут не вспомнить «Отель» Артура Хейли: «Реактивные самолеты покончили с привычкой путешествовать с комфортом». Верно — стремление сократить, елико возможно, время пребывания в пути свело на нет ухищрения по обеспечению удобств пассажиров — доехали, и хорошо.

В купе имеется что-то вроде «санузла», отделенного от основного пространства раздвижной дверью; обилие бронзы, бархата и лакированного дерева наводило на мысль о дорогой гостинице. Забавная деталь — между двумя смежными купе установлена раздвижная перегородка, так что при желании их можно объединить в одно; нам это удобно, разумеется, было ни к чему.

Трясет в вагоне немилосердно: комфорт комфортом, а прогресс — прогрессом. Вагонные рессоры тут далеки от совершенства, да и отсутствие привычных колесных тележек удобства не добавляет: большинство вагонов вообще трехосные.

Путь до Одессы занял три дня. На станциях поезд подолгу стоял — брали воду и уголь в тендер. Запах каменноугольной гари, знакомый путешественникам наших дней разве что по аромату вагонного «титана», здесь вездесущ; кажется, что это амбре будет теперь преследовать нас всю оставшуюся жизнь.

На остановках торгуют всякой снедью — в невообразимых количествах. Припомнились девяностые годы, поездки в Казань и Новосибирск и чудовищные барахолки на перронах; помнится, на одной из станций, неподалеку от Гусь-Хрустального торговали хрусталем, вплоть до люстр, и почему-то огромными мягкими игрушками. Здесь, как и у нас, торговцы отдают предпочтение всякого рода мелким

¹ Спальный вагон. Наиболее комфортная категория ж/д вагонов в советские времена.

поделкам, дешевым книжкам для развлечения скучающей в дороге публики, ну и, разумеется, съестному. Бублики, жареные куры, вареная картошка с укропом и золотым растаявшим маслом, рыба всяких видов, молоко, квас, сельтерская в цветных бутылках, сайки, плюшки, ветчина...

Стоит отметить, что классные вагоны цепляются к поезду в особом, раз и навсегда установленном порядке — и разносчики, отлично его зная, заранее выстраиваются на перроне согласно «табели о рангах» своего товара: одно предлагают чистой публике из синих и желтых мягких вагонов, а другое — простонародью, заполонившему зеленые «жесткие».

Вагон-ресторан... тут остается только умолкнуть. Воистину высокое искусство путешествий с истинным комфортом в наши дни утеряно.

Любопытная деталь: большинство пассажиров дожидаются в пути остановки, чтобы сбегать за кипятком. Эдакие будки возле здания вокзала или станционного барака с надписью «Кипяток» — они есть на всякой большой станции. Называются «Кубовые для кипятку».

...Пассажирский или почтовый поезд, взлязгивая буферами, с протяжным шипением тормозов Вестингауза останавливается у очередного перрона. Пока меняют паровоз или заправляют его водой, паломники немедленно бегут за кипятком. В кубовую выстраивается очередь. Подходят по одному к двум высоким бакам с кранами. На одном написано «Холодная вода», на другом — «Горячая вода» (бачков с питьевой водой в вагонах тоже нет). Кран горячей воды — с деревянной ручкой, как в бане, чтобы не обжечь руку. Иногда воду разливает какая-нибудь почтенная женщина в белом халате поварским половником или мерным черпаком. Существует даже такса разлива, согласно статье первого Устава железных дорог: копейка — стакан или чайник; размер тары несущественен.

Еще в Москве мы решили присоединиться к большой группе паломников, следующих в Палестину, — и оставаться с ними до удобного момента. Палестинское общество предлагало своего рода «туры», включающие в себя и билеты на поезд до Одессы, поездку морем и дальше, уже на Свя-

той земле, путешествие караваном. Большая часть паломников, люди простого сословия, ехала в жестких вагонах. Из классных пассажиров в первый же день путешествия нам удалось познакомиться с двумя волжскими купцами, как оказалось — родными братьями.

Братья рослые, с типично русскими физиономиями; оба уже в летах. Путешествовали они в сопровождении приказчика; один вез с собой дочь средних лет. Старший, Семен Иванович, крепкий старикан, оказывается, уже четырежды побывал в Иерусалиме. Тут стоит отметить, как поменялись нравы российского торгового сословия за 128 лет! Потомки этих купчин будут по четыре раза кряду ездить разве что на Мальдивы, а тут...

Семен Иванович поведал, что едет в Палестину совершенно уверенно, наперед зная, что греки его примут с распростертыми объятиями. Это было неожиданно: при подготовке к путешествию мне не раз приходилось слышать о греках много худого — об их бесстыдных поборах с паломников, о корысти и готовности зарабатывать деньги на христианских святынях. Но уже позже, на пароходе, другие паломники пояснили — богатый купец, всякий раз бывая в Иерусалиме, оставлял у греков не одну тысячу рублей, да и на большие праздники присылал богатые подарки. Конечно, греки обхаживали своего благодетеля! А тот и рад: в России епископ — лицо для простых смертных недоступное; его если и видят, то лишь в кафедральных соборах во время богослужения. А наш купец в Святом Граде имеет доступ не только к митрополиту, но даже к блаженнейшему патриарху. Тщеславие, всегда тщеславие! Как не вспомнить о новорусских дельцах, готовых любые деньги выложить в Каннах за приглашение на банкет со звездами кинофестиваля. Нет, решительно, времена меняются, а люди остаются прежними...

На вокзале в Одессе паломников прямо на перроне встретили афонские монахи — и принялись приглашать в свои подворья. Поскольку решили пока что следовать общему поведению, мы пошли за монахом Пантелеймоновского монастыря. На привокзальной площади приезжих немедленно окружили комиссионеры дешевых одесских

гостиниц. Все как один зазывали: «У монахов грязно, да и не дешевле!» — хватали за рукава, делали попытки вырвать поклажу из рук носильщиков и оттащить к заполонившим вокзальную площадь пролеткам.

Однако же притязания комиссионеров были отвергнуты — благо монастырская гостиница располагалась тут же, напротив вокзала.

Номер оказался весьма скромным, с самой что ни на есть неприятельской обстановкой. Паломникам из простонародья отводились общие спальни; зайти туда означало подвергнуть нешуточному испытанию свою решимость и дальше путешествовать в обществе богомольцев. Постели в нашем номере были сомнительной чистоты; заранее зная об этом обстоятельстве, мы запаслись собственным постельным бельем.

Распоряжался всем здоровенный монах с елейным голосом — впрочем, это вообще особенность духовного сословия. Он собирал с богомольцев заграничные паспорта и деньги, по рублю с каждого — за «прописку» у турецкого консула. Однако же, узнав, что имеет дело с американцами, слуга божий отстал, одарив нас на прощанье неодобрительным взглядом.

— Ох и баракла же у нас! — Ваня окинул взглядом гору баулов, кофров и чемоданов. — Будто переезд, а не поездка на какие-то жалкие два месяца!

— А чего ты хотел? — резонно заметил Олег Иванович. — Во-первых, глобализация еще не случилась — ни тебе дьюти-фри, ни торговых сетей и Макдоналдса в любом задрипанном городишке. Все надо везти с собой. А во-вторых, не настала еще эпоха реактивных лайнеров; за перевес багажа денег не берут. Вот люди и изощряются, как могут. — И он ткнул носком туфли в обитый медью уголок монументального кофра.

— Да уж, — уныло подтвердил Иван. — Не дай бог такое на себе переть... тут, пожалуй, сама тара побольше груза потянет.

— А как иначе? В местных поездках — сам помнишь как

трясет. Про гужевой транспорт вообще молчу. Учти, нам, может, и на верблюдах предстоит ехать, а это, доложу я тебе, та еще радость. В пароходах багаж грузят без затей, навалом. Так что массивные чемоданы и кофры — единственная гарантия хоть что-то довести в сохранности. Материалы опять же самые простые — кожа, фанера, клеенка. И никакого тебе ударостойкого пластика.

В самый массивный кофр путешественники упаковали арсенал, а также кое-какой запасец «особых штучек» из двадцать первого века. Были здесь и два бронжилета третьего класса — не бог весть что, но все же...

Кое-что из числа самого необходимого пришлось рассовать по карманам и рюкзакам. Ваня до последнего сражался за право экипироваться изделиями двадцать первого века — и все же настоял на своем! В итоге кроме горы «аутентичного» багажа мальчик запасся парой небольших тактических рюкзаков нейтрального цвета «дарк койот». Выглядели рюкзаки, конечно, весьма предосудительно — во всяком случае, на перронах вокзалов Российской империи. А потому Олег Иванович настоял, чтобы амуницию из будущего до поры упаковали в парусиновые баулы. На Ближнем Востоке и в Африке, рассуждал он, видели и не такое — судя по многочисленным фотографиям конца XIX века, снаряжение европейских путешественников отличалось порой весьма замысловатым дизайном. Точно так подошли и к выбору одежды. До поры отец и сын щеголяли в местном платье: в светлых парусиновых костюмах, парусиновых же туфлях и шляпах-панаме. А в багаже ждала своего часа походно-полевая одежда двадцать первого века: конспирация конспирацией, а подвергать риску здоровье лишний раз не следовало. Фасон и цвета были выбраны самые нейтральные — бермуды цвета песчаного хаки, рубашки-безрукавки, неизменные пробковые шлемы, жилеты-сетки и высокие «пустынные» «коркораны»; все это вполне вписывалось в образ богатых европейских путешественников. Для убедительности Олег Иванович начал даже отпускать бороду — та немилосердно чесалась, изводя своего обладателя. Да еще и жара... однако приходилось терпеть: посреди си-

рийской пустыни непременно возникнут сложности с водой для бритья.

Конечно, среди толпы богомольцев путешественники будут смотреться белыми воронами; но, достигнув Триполи, они так и так собирались при первой возможности расстаться с паломниками. Сирия в девятнадцатом веке — вовсе не самостоятельное государство, а провинция Оттоманской империи; к русским отношение здесь в лучшем случае настороженное. Другое дело — англичане или, скажем, немцы; так что было решено в присутствии местных жителей говорить исключительно по-английски.

Кроме одежды пришлось прихватить массу снаряжения — легкую палатку-«купол», спальники, коврики из пенополистирола, репелленты, светодиодные фонари и многое другое. Не забыли и о рациях; тщательно упакованные в кофр с оружием, те ждали своего часа вместе с прихваченным на всякий случай прибором ночного видения. Запас батареек для всех приборов тоже имелся, плюс компактное устройство на фотоэлементах для подзарядки аккумуляторов.

Отдельным пунктом шла аптечка; ее подбором Олег Иванович занимался особо старательно. Случись что — и, даже если удастся добраться до православной миссии, пострадавшему там в лучшем случае посочувствуют и нальют водички. Уровень медицины в 1886 году и без того был далек от идеала, а уж в Сирии... короче, здесь следовало рассчитывать только на себя. Спасибо Каретников помог; теперь путешественники были оснащены медикаментами на все случаи жизни; не приведи бог, конечно...

— Надо бы с извозчиком заранее договориться, — рассуждал тем временем Иван. — Менеджер вроде обещал подводы, но что-то нет у меня к нему доверия...

Олег Иванович удивленно поднял брови, потом сообразил, что «менеджером» сын назвал гостиничного монаха-распорядителя, и от души расхохотался. Впрочем, сын был прав: о доставке багажа на пристань стоило подумать заранее.

— Ладно, пошли. На площади перед вокзалом полно этих... как их... биндюжников. Вот на завтра и договоримся.

К какому часу нам надо на пароход — к одиннадцати? А еще таможенно проходить... или как это у них здесь называется? Лучше не опаздывать, а то еще уплывут без нас...

ГЛАВА 2

— Пан Никол! Прощенья прошу, можно вас на маленькую минуточку?

Голос Яши вывел Николку из раздумий. Со времени отъезда Семеновых прошло почти две недели; третьего дня почтальон доставил телеграмму, извещающую, что путешественники грузятся на пароход и оставляют Одессу, а вместе с ней и пределы Российской империи. И теперь мальчик остро переживал несправедливость обстоятельств, из-за которых ему пришлось остаться в Москве. А тут еще Яша... Впрочем, Николка обещал Олегу Ивановичу при случае подействовать его помощнику.

— Здравствуйте, Яков. У вас ко мне дело от господина Семенова?

Яша удивленно посмотрел на мальчика:

— Какое же дело, пан гимназист? Олег Иванович вот уже две недели как в отъезде!

А то Николка не знал! Да он дни был готов считать до его возвращения! Увы, этих дней было еще видимо-невидимо: Олег Иванович собирался быть назад не раньше чем через полтора месяца.

— У меня, собственно, вот что. — Яша маялся, подбирая слова, и это удивило Николку.

За время недолгого знакомства с новым помощником Олега Ивановича мальчик привык к тому, что тот всегда боек на язык, деловит и вечно куда-то торопится. А сейчас — Яша нервно теребил в руках старую гимназическую фуражку и явно не знал, с чего начать.

— Да не волнуйтесь вы, Яков. Присядьте вот и рассказывайте, в чем дело.

Яша сел на скамеечку. Беседовали они прямо посреди двора; время было к обеду, и мальчик маялся от безделья. Жаркий московский июнь был ему не в радость.

— Скажите, пан гимназист... — Яша замялся. — Не случилось ли вам в последние дни заметить что-то необычное?

Николка озадаченно взглянул на Яшу:

— Что же необычное? У нас все слава богу... то есть ничего такого не было. А вы почему об этом спрашиваете?

— Да так, пан Никол, есть кое-какие опасения, — ответил Яков. — Вот, скажем, не приходилось вам видеть возле дома подозрительных людей? Или дворник заметил что-то эдакое? Я его расспросил — говорит, ничего. Но, может, с вами он будет пооткровеннее?

Николка встревожился:

— Какие еще «подозрительные»? Нет, если бы Фомич что-то такое заметил, он бы дяде сказал, да и квартальному тоже. В чем дело? Каких это людей вы опасаетесь? Воров? Бандитов? Отвечайте наконец!

— Видите ли, пан Никол, — вздохнул Яша. Ужасно не хотелось посвящать Николку в детали, но ничего больше не оставалось. — Пан Семенов, когда уезжал, дал мне деликатное поручение...

Рассказывал Яша долго — целых полчаса. Николка то и дело перебивал его вопросами; юный сыщик сердился, сбивался с мысли, раздражаясь необходимостью несколько раз повторять одно и то же. И вот что в итоге он рассказал Николке.

Отбывая в Сирию, Олег Иванович поручил Якову установить личность ученого, обитавшего когда-то в квартире Овчинниковых. Николка сообразил, что отец Ивана решил таким образом навести справки об авторе пергамента; мальчик едва не проговорился о четках, но вовремя прикусил язык. Яша, в свою очередь, взял на заметку эту нечаянную заминку.

Кто таков был квартирант, Яков выяснил без труда. Пропойца-письмоводитель из околотка, получив на полуштоф «казенки», дал справку о господине, три года назад снимавшем квартиру в доме, принадлежащем ныне господину Овчинникову. Звали жильца Вильгельм Евграфович Евсеин; числился он доцентом Московского Императорского университета по кафедре римских древностей. Три с половиной года назад сей ученый муж вернулся из заграничной по-

ездки — как многословно выразился письмоводитель, «по неотложным обстоятельствам, имеющим касательство к занятиям одного господина Евсеина наукой в попечении казенного учреждения». Тогда доцент и снял квартиру на Гороховской, хотя и проживал прежде в собственном доме, в Замоскворечье. Мало того — через месяц после того, как ученый муж въехал в новое жилище, он бесследно исчез. Пропавшего жильца ждали полгода (на этот срок была оплачена квартира). Потом ждать перестали — никто на Гороховской доцента толком не знал, горевать было некому. Небогатый скарб свалили в амбар при околотке, где вещи и пылились почти год. Нынче имущество ученого проходило по делу о наследстве: у Евсеина нашлись родственники, пожелавшие вступить во владение бесхозным добром.

На этом этапе расследование вполне могло зайти в тупик. Однако старый Ройзман не зря высоко ценил таланты Яши: молодой человек стоптал ноги, извел не меньше половины оставленной Олегом Ивановичем весьма солидной суммы — но все же сумел выйти на след пропавшего доцента! Для этого, правда, пришлось собирать по всей Первопрестольной сведения о происшествиях, случившихся на момент исчезновения Евсеина, — но в итоге Яше удалось разузнать то, до чего не сумел (а может, и не захотел) дознаться полицейский дознаватель.

Примерно в то же время, когда доцент Евсеин пропал с квартиры на Гороховской, на другом конце Москвы — близ Цветного бульвара, в двух шагах от Малого Колосова переулка — в меблированных комнатах мещанина Козюкина имело место неприятное происшествие. Малый Колосов вообще слыл по всей Москве дурным¹ местом: скандалы, грабежи, убийства случались здесь с завидной регулярностью; вот и тогда, посреди ночи, прислуга при меблирашках принялась кричать «караул». На зов явился околоточный — и застал в одном из «номеров» прилично одетого господина. А с ним — другого, валявшегося к моменту прихода служителя порядка на полу, с головой, ушибленной кочергой.

¹ В Малом Колосовом переулке располагались публичные дома самого скверного пошиба, так называемые «полтинничные». Сейчас вполне приличный Малый Сухарев переулок.

Дело представлялось ясным: злодей взят на месте преступления, жертва налицо, орудие (та самая кочерга) прилагается. Но — не тут-то было. Преступник назвался бельгийским подданным и потребовал консула, который и был по такому случаю истребован в Сретенскую часть.

Дождавшись дипломатического чиновника, сухаревский пристав Ларрепанд (известный всей Москве умением ловко обойти любую несообразность, лишь бы не портить казенной отчетности) задержанного отпустил. В протокол было чин по чину занесено описание события: по бумагам выходило, что бельгиец, снимавший в мебелированных Козюкина комнату на время своего визита в Москву по делам науки, назначил там встречу некоему господину — тот якобы откликнулся на данное в газете объявление. Со слов иностранца было записано, что тот дал объявление о покупке некоего «экспоната из частной коллекции», который пострадавший и принес на продажу. После совершения сделки на гостя прямо в коридоре мебелированных комнат напало некое третье лицо — злодей, видимо, выследил жертву и попытался завладеть вырученными деньгами. Иностранец спугнул грабителя и доставил пострадавшего в свои апартаменты, где и был потом застигнут бдительным полицейским чином, явившимся на заповошные вопли прислуги.

История была шита белыми нитками, но Ларрепанду сходило и не такое. Напрасно Яков пытался выяснить, что за «экспонат» был приобретен бельгийцем и в какой такой газете иностранец давал объявление, — ничего не сыскалось, хотя Яша старательно просмотрел подшивки всех московских газет недели за три. Сам бельгиец (кстати, звали его Ренье ван дер Стрейкер, приезжий из города Брюсселя) спешно покинул Москву. Дальше следы его терялись; но Яше куда интереснее была жертва преступления. Пострадавший, внесенный в полицейский протокол как «неустановленная личность неизвестного сословия, места жительства и рода занятий», несомненно, и был тем самым доцентом Вильгельмом Евграфовичем Евсеиным, что снимал квартиру на Гороховской. К протоколу прилагался лист, подписанный околоточным доктором: согласно заключению сего эскулапа, пострадавший, лишившийся вследствие

удара по голове памяти, был передан на попечение «неких лиц, пожелавших оказать ему вспомоществование». О том, что это были за лица, в полицейской бумаге сказано не было. Яша изучил прошитые бечевкой странички протоколов; это обошлось ему в пять рублей серебром, но зато молодой человек узнал номер бляхи извозчика, который увез пострадавшего и загадочных благодетелей из околотка.

Дальше было уже проще. Два дня понадобилось Яше на то, чтобы отыскать извозчика; хотя прошло больше трех лет, тот припомнил обстоятельства давней поездки. В итоге у Яши оказался теперь адрес небольшой частной клиники. Заведение это к широкой известности не стремилось; держал его венский профессор психиатрии Йозеф Кацнельбоген, специализировавшийся на пациентах с тяжкими психическими расстройствами, переданными на попечение венского эскулапа богатыми родственниками. Таковых в клинике содержалось до десяти душ; Яша не сомневался, что один из постояльцев заведения — как раз и есть сгинувший доцент Евсеин. Действительно он потерял память или запись эта была сделана околоточным доктором за мзду, полученную от загадочных «благодетелей», Яша не знал; однако выяснил, что содержание обеспамятвшего доцента регулярно оплачивается и обитает тот в весьма приличных условиях. А вот кто именно вносит плату — и притом весьма немалую! — выяснить не удалось.

Яков надеялся прояснить эти обстоятельства во время визита в клинику и даже состряпал себе подходящую легенду. Но не тут-то было. В клинике его, как выяснилось, уже поджидали...

— И что же? — в который уже раз прервал собеседника Николка. — В вас, значит, стреляли?

Яша помотал головой:

— Бог миловал, пан Никол. Я как увидел у первого револьвер, так сразу сообразил, что дело плохо, и свернул на Самотеку¹, а там в такое время дня народу тьма-тьмушая. Они — за мной, но оружие убрали. Потому как что же они — дурные посреди бела дня по Москве с револьверами бегать?

¹ Самотечная улица начинается у Садового кольца от Самотечной площади.

Это же до первого дворника — враз бы загребли голубчиков. Так что гнались они за мной по Самотеке, а там уже я сумел оторваться. Я те места хорошо знаю — ушел проходными дворами, только меня и видели. Покружил по переулкам, чтобы убедиться, что никто за мной не топчет, — и к дяде, на Варварку.

— Так кто же это был? Я так и не понял, — в который уже раз переспросил гимназист. — Чтобы сторожа при лечебнице — и с револьверами? И потом, вы же не сделали ничего дурного, только спросили?

— Так то-то и оно! — кивнул Яша. — Я даже и спросить-то толком не успел — швейцар, который мне дверь открыл, скривился, будто лимон куснул, велел подождать — а сам рожи мне корчит и глазами эдак испуганно вращает. А двое типов, что сидели в швейцарской — здоровые такие и одеты прилично, при тросточках, — дождались, когда швейцар в сторонку отойдет, и кинулись на меня. И молча, даже имени не спросили! Спасибо швейцару — как он принял мне знаки подавать, так я сразу насторожился и бочком-бочком, к окну; оно как раз было открыто по случаю жары. Нырнул в окно рыбкой, покатился по мостовой — и давай бог ноги!

— Это четыре дня назад было? — уточнил Николка. — И что же вы, в участок так и не сходили?

Яков поморщился:

— Ну что вы, пан гимназист, какой еще участок... меня же там перво-наперво спросят: «Что это тебе, щучий сын, в лечебнице понадобилось?» А Олег Иванович хотел, чтобы я насчет доцента по-тихому все разузнал. А раз по-тихому — то на кой ляд мне полицию вмешивать?

— Так опасно! — Николка никак не мог понять, как можно отказаться от помощи полиции. — Они же могли убить вас, Яков! Двое, с револьверами... а вдруг отыщут вас и нападут?

Яша усмехнулся:

— Пусть попробуют — ноги сотрут меня искать! Я ведь отсиделся — и опять к лечебнице пришел, только уже по-тихому. И проследил за этими типами, которые с револьверами. Оказалось — это приказчики торгового дома Веллинга — ну, у них еще на Кузнецком торговля модными тка-

нями. А приставлены они к клинике по просьбе управителя, британского подданного. Он, я так думаю, и платит за лечение Евсеина. Только никакие то не приказчики. Хитровцы¹, к гадалке не ходи.

Он помолчал.

— И еще: у Веллинга два дня назад остановился какой-то приезжий иностранец. Я тамошних мальчишек расспросил, а потом и сам его увидел — голову даю на отсечение, это и есть тот самый бельгиец, что после дела с Евсеиным из Москвы сбежал! Описание из полицейского протокола точь-в-точь совпадает, а особо шрам — большой такой, поперек правой брови. Это точно Ван дер Стрейкер и есть. И я сам видел, как бельгиец этот типов из клиники допрашивал. Те, даром что здоровенные лбы, стояли перед ним понурившись, — а Стрейкер хрясь одного в зубы, да со всего замаху! А лоб только утерся да и пошел себе с битой харей. Но только он не просто так пошел — я за этой парочкой потом весь день таскался. Они, пан гимназист, нацелились сюда, на Гороховскую, точно говорю! Это я про них спрашивал — не было ли кого подозрительного? Наверняка бельгиец что-то об Евсеине знает; и недаром Олег Иванович интересуется насчет пропавшего доцента. Этот бельгийский прохвост теперь ваш дом в покое нипочем не оставит. Я, когда шел сюда, заметил возле дома одного — на студента похож. Он за домом и следит; а те мордovorоты ждут где-нибудь рядом, в укромном местечке. Так что вы бы, пан Никол, поосторожнее...

— Ясно. — Николка встал и решительно одернул гимназическую рубаху. — Знаете что, Яков, посидите здесь минутку. Я зайду домой, возьму кое-что — и посмотрим на вашего шпиика...

ГЛАВА 3

Из путевых записок О. И. Семенова

На другой день с утра паломники принялись собираться на пароход. К подворью подали подводы (платформы, как их именуют в Одессе), нанятые монахами; с паломников

¹ Хитровка, Хитров рынок — историческое обиходное название района Хитровской площади в Москве. В конце XIX в. была известна как рассадник всяческого вора, бродяг и жуликов.

исправно брали деньги за транспорт. Одесские мастера извозного промысла, биндюжники, заслуживают особого интереса — они будто сошли со страниц «Одесских рассказов» Бабеля и из песен Утесова... Или о биндюжниках пел только Бернес?.. Впрочем, не так уж и важно.

Итак, отслужив напутственный молебен в церкви подворья, монахи проводили паломников в путь. Среди тех, что победнее, ходили тревожные разговоры — оказывается, многие не получили назад паспортов.

В «Наставлении Палестинского общества» подробно перечислялись сборы: за гербовые марки, за бланк паспорта, за визу турецкого консула, за регистрацию вида в полиции, за бланки прошений. А в конце перечня говорилось, что, даже понеся все эти хлопоты и расходы, паломник «может все-таки не получить заграничного паспорта и возвратиться обратно на родину, не посетив св. мест». Россия есть Россия — некоторые вещи остаются неизменными, несмотря на любые революции...

Итак, за номер заплачено (монахам ничуть не меньше, чем в обычной гостинице); оставалось погрузить багаж, взять извозчика для себя и отбыть на пароход — с тем чтобы прибыть часа за два до отхода. Пристань была заполонена толпой. Тех, кто поднимался на борт, провожали в салон второго класса, где за сдвинутыми столами сидело несколько жандармов. Они вырезали из паспортных книжек листы и ставили штемпели, а затем выкрикали владельцев паспортов и вручали воделенные документы:

- Петров?
- Я!
- Как звать?
- Иван!
- Получи!

После чего счастливец сквозь всю толпу продирался обратно на пристань, забирал нехитрый скарб и спускался в люк искать местечко на одной из палуб.

Паломников, отнесенных к «чистой публике», пропускали вне очереди; разница в обращении была тем более заметна на фоне бесцеремонного обращения с богомольцами из простого сословия.

Удивительно, сколько мешков имели при себе паломники. Почти все озаботились запасом каких-то особых, «тройной закалки», сухарей, крупы и даже картофеля и капусты. Многие тащили полотна, ризы, покровы, ковры и другие предметы, взятые в жертвование на Гроб Господень. На одних узлах были нашиты метки с надписанными именами владельцев; на других, хозяева коих не знали грамоты, стояли цветные крестики.

Шум и гам отправляющейся публики перекрывали крики распорядителей — те обходились с паломниками запросто, без всякого пиетета. Размещение пассажиров третьего класса мало отличается от скотского. Многие устроились прямо на открытой палубе — под дождем, на солнце, на ветру. Другим, счастливицам, достались нары под мостиком у машинного отделения. Это были евреи из Средней Азии. Поначалу, увидев бухарские халаты, мы приняли их за мусульман; но, разглядев еврейские книги, сообразили, кто это.

В трюме паломникам было несколько удобнее. Они устраивались группками по трое-четверо, оградив вокруг себя тюками и мешками некоторое пространство — воистину человек нуждается в собственном уголке в любых, самых случайных и неудобных для жизни условиях!

Разместившись в трюме поуютнее, паломники оживились — и вскоре оттуда зазвучали духовные песни.

На нашу долю была выделена удобная двухместная каюта — увы, весьма небрежно прибранная, — оставалось с грустью вспоминать ослепляющую чистоту и комфорт классных вагонов. Видимо, паломники поднимались на борт в таком настроении, что готовы были безропотно мириться с любыми неудобствами и недостатком гигиены...

До сих пор мне не случалось путешествовать по морю, и уж тем более на таких вот пароходах. Трехдневный круиз по Волге до Углича и обратно не в счет; так что представления о предмете у меня были самые расплывчатые — в основном по фильму «Титаник», просмотренному в глубоком детстве.

Так вот наш пароход не был «Титаником». Пожалуй, лучше всего подошло бы слово «лоханка» — это если проя-

вить такт и не употребить вполне заслуженного «старое крыто». Начать с того, что никакой это оказался не лайнер — больше всего наш гордый «пенитель морей» походил на сухогруз, наскоро переделанный для перевозки то ли заключенных, то ли солдат. Зафрахтован он был конторой под названием «Александрийская круговая линия», обеспечивающей трансфер богомольцев на Ближний Восток и обратно.

Часов в пять вечера пароход отдал швартовы. Провожających на пирсе было море — и все как один ожесточенно махали платками (кое-кто, впрочем, шляпами), видимо находя в этом занятии некий высший смысл. Паломники в ответ затянули что-то свое, духовное. Получалось не очень, но как же они старались! Даже меня немного пробрало.

Мы стояли среди публики первого и второго классов, вышедшей поглядеть напоследок на Одессу с моря. Стоя на носовой площадке (отец назвал ее «полубак»), мы с удовольствием взирали на всю эту романтическую суету. Отец довольно озирался и мурлыкал под нос старую, советских еще времен, песенку: «Как провожают пароходы...» По всему было видно, что уж он-то получал от происходящего чистое, ничем не замутненное наслаждение, — как-то, еще в поезде, он признался, что давным-давно мечтал о таком вот плавании: не на круизном лайнере, что доступно сейчас любому бездельнику, а на старом, может быть, потрепанном пароходе в стиле ретро. Без баров, бассейна, кинотеатров, палуб для загара и вай-фая в каждой каюте...

Ну мечты мечтами, а грубая реальность бесцеремонно вторгалась в нашу жизнь. За пределами полубака яблоку некуда было упасть от палубных пассажиров. Это были все те же паломники, из числа самых забитых и необоротистых, — кто не смог отвоевать себе места на трюмных нарах. Или не стал отвоевывать; у этих людей вообще своеобразное представление о комфорте. Чем дольше мы путешествовали в их обществе, тем больше я убеждался, что богомольцы подчас находят в неудобствах пути особую прелесть — и, предложи им кто-нибудь улучшить условия плавания, гневно отказались бы. Я этого не понимаю; Бог

есть Бог, и гигиена здесь ни при чем. Но, как говорит отец, не нам их судить...

Часам к восьми вечера мы уже основательно устроились в своей каюте. Куда ей до купе мягкого вагона! Тесно, умывальник прямо в комнатушке, удобства — галюн, по-морскому — в конце коридора. Впрочем, надо признать — в каюте все достаточно удобно устроено. Особенно порадовали кровати с перильцами — чтобы пассажиры не падали во сне от качки.

Кстати о качке. Вот чего я боялся больше всего! Часам к восьми вечера мы вновь вышли на полубак, подышать свежим воздухом. Качка стала уже весьма ощутимой. Меня мучило — но пока вполне терпимо. Наивный! Если бы я знал... но, впрочем, обо всем по порядку.

Палуба и без заполонивших ее паломников была немало загромождена — какие-то изогнутые трубы, шлюпки, световые люки с круглыми окошками, трапы. И огромное количество веревочных снастей тут и там; бухты троса, широченные сетки, ведущие, на манер лесенок, к площадкам посреди мачт. Как, я еще не сказал? Наш пароход, хоть и несет гордо две здоровенные трубы, из которых валит клубами черный угольный дым («Гринписа» на них нет!), еще и оснащен высоченными мачтами, на которых можно ставить самые настоящие паруса. И, как уверял отец, нам еще предстоит это увидеть.

С трудом выбирая дорогу среди всего этого морского хозяйства (а также среди лежащих прямо на досках палубного настила паломников), мы пробрались к прогулочной площадке. Темнело; огней на палубе зажечь не озаботились, свет выбивался только из круглых окошек кают да люков, ведущих вниз, в трюмы. Отец остановил пробежавшего мимо матросика и спросил — отчего же не зажгут свет?

Оказывается — специально, чтобы не мешать вахтенным смотреть вперед. Мне сразу вспомнился вперёдсмотрящий «Титаника» — ну да, много он разглядел! Хорошо хоть в Черном море отродясь не было айсбергов. А если какая полная кефали шаланда и подвернется нам под форштевень — так это ее проблемы.

Отец вежливо поблагодарил пароходного служителя за

разъяснения, как вдруг из ближайшего люка вывалился всклокоченный мужичонка самой простецкой наружности. Стоило ему сделать пару шагов, как размахом судна его швырнуло на нашего собеседника. Мужичонка обеими руками вцепился в борт и, озираясь, проговорил:

— Страсти-то какие, господа! Буря все больше и больше! Видать, потопнем!

Моряк поспешил его успокоить:

— Ну что вы, совсем напротив. Погода довольно тихая.

— А что же тогда валяет с боку на бок?

— Без этого нельзя, — терпеливо разъяснил мореплаватель. — Летом на море случается полная тишина — но нечашто.

— А зачем, — и мужик ткнул пальцем в мачты, — энтих столбов понатыкали? Они же только раскачивают пароход!

Пришлось морскому волку объяснять, зачем на пароходе мачты.

— На них, — втолковывал он паломнику, — поднимают сигнальные флаги и фонари.

Мне так и хотелось добавить: «...А еще вешают всяких идиотов, которые лезут к занятым людям с дурацкими расспросами».

— А ежели машина испортится, — продолжал мореман, — так на них растягивают паруса. Когда нужно поднять что-нибудь тяжелое, они служат как краны. А если качка совсем усилится, то паруса, растянутые на этих «столбах», могут ее до некоторой степени ослабить.

— А мы с дороги посреди окяна не сбились? — продолжал допытываться мужичонка. — А то вон земли-то не видать!

— Нет, — успокаивал паникера моряк. — Погода сейчас очень тихая, с курса сбиться никак немислимо. Горизонт чист со всех сторон. И вот что, господин хороший, — ложились бы вы спать, с богом. Завтра полегче будет, сами увидите.

Успокоил он таким образом боязливого пассажира или нет — но тот сполз в трюм и растворился среди спящих паломников. Мы же прошли на полубак и долго, в свое удовольствие, впитывали виды открытого моря...

Из путевых записок О. И. Семенова

Утро второго дня. Качает все сильнее. Не стоит подходить без надобности к люкам трюмов — в их тесном пространстве запах, распространяемый немывтыми человеческими телами и последствиями качки, стал совершенно нестерпимым. Он густыми волнами накрывает палубу; не спасает даже свежий морской бриз. Иван ходит синюшно-бледный, но виду старается не показывать.

Пристроившись на мостике, чистая публика озирает горизонт да от нечего делать наблюдает за паломниками внизу; других развлечений на пароходе не имеется. Богомольцы снуют туда-сюда, моются, поливая друг друга из чайников и котелков, молятся тут же, на палубе, словно бы и не замечая тесноты и качки. На бак и мостик публику третьего класса не пускают — если верить стюарду, на пароходе находится около четырехсот паломников, путешествующих третьим классом.

Теснота становится особенно невыносимой, когда из трюма высыпают люди за кипятком для чая. Для этого поставлены два больших медных котла — прямо на верхней палубе.

Другая проза жизни — отхожие места на противоположном борту парохода, общим числом три. Их берут штурмом, без разборки, мужчины и женщины. Грязь. Ветер. Качка. Паломники испуганно жмутся к своим мешкам; многие не в силах подняться с палубного настила.

Когда к полудню качка поутихла, паломники тоже оживились. Один из них, стоя посреди столпившегося народа с книжкой в руках, читал Акафист Божьей Матери. Сосед его, густо заросший волосом и одетый в какую-то невообразимую хламиду, подхватывал наизусть; последнюю фразу «радуйся, невесто невестная», или «аллилуйя», подпевала уже вся толпа, растянутым напевом, называемым, как мы узнали, «афонским».

Здесь следует сделать отступление. Во время странствий с паломниками не раз становилось заметно одно обстоятельство. И здесь, на пароходе, и среди тех, кто был с нами в караване, было немало монахов и священников. Однако паломники, предоставленные сами себе в выражении своего

религиозного рвения, охотнее обращались к таким вот «каликам переходим», нежели к официальным служителям церкви. И дело, как представляется, вовсе не в неуважении к сану. Просто, как говорят, «кто первый палку взял, тот и капрал». Кто свободно, раньше остальных, проявит религиозные чувства, не связанные к тому же церковными уставами, кто окажется способен на вдохновенное обращение к Творцу — тот и во главе толпы, тот и предстоятель...

Однако, рассуждая о паломниках — тип, совершенно незнакомый нам, выходцам из двадцать первого века, — я отвлекся от остальных впечатлений морского путешествия. Взять, например, хлеб насущный. Конечно, в описании последствий качки для желудка трудно состязаться с убедительностью Джерома¹, но все же некоторые собственные наблюдения мне сделать удалось.

Когда приключился приступ морской болезни, главное — не допустить, чтобы желудок был пуст; иначе вас будет рвать желчью. Лучшая пища в данном случае — черные сухари с солью. Некоторые, обращаясь к опыту «просвещенных мореплавателей», ищут спасения в лимонах, апельсинах и иных кислотах. Но они если и помогают, то весьма слабо. Променад, черный хлеб и свежий воздух — вот то, что наверняка избавит вас от мучительных симптомов морской болезни. Однако же многие паломники, особенно женщины, не понимали этого — и без движения лежали на палубе. По счастью, качка все больше стихала — плавание начиналось при благоприятной погоде.

ГЛАВА 4

— Ну что, убедились, пан Никол? — Яша опасливо озираясь, но не сбавил шага.

— Да что вы все «пан» да «пан», — поморщился Николка. — Сколько можно? Какой я вам пан?

— Ну как же... — растерялся молодой человек, — а как прикажете вас называть?

¹ Имеется в виду произведение Дж.К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки».

— Слушайте, Яков, давайте лучше на «ты»? Вы же, наверное, старше меня. Сколько вам лет?

— Шестнадцать в феврале стукнуло, — ответил Яша. — Только как же так, пан Никол? Ваш батюшка — офицер, моряк, дворянин. Значит, и вы... а я кто? Еврейский гимназист из черты оседлости, да еще и экстерн!

— Глупости, — решительно заявил Николка. — С этой минуты будем на «ты». А поскольку я сын офицера и дворянин — то и не спорь!

Яков неуверенно кивнул:

— Ну ладно, пан... Прости, Никол. Так что дальше-то делать будем? Вон идет за нами, холера ясна...

Яша был кругом прав — деваться было некуда. Покинув двор, они с Николкой не успели пройти десятка шагов — и Яша заметил давешнего соглядата. Невзрачный тип с наружностью то ли студента, надевшего вопреки уставу партикулярное платье, то ли мелкого чиновника: светлый полотняный сюртук, тоненькая тросточка и новомодная круглая шляпа канотье из соломы. Тип окинул Якова с Николкой скучающим взором и проследовал дальше, глаза по сторонам и беззаботно вертя тросточкой. Дойдя до угла, господин перешел на другую сторону и пошел им навстречу.

Николка толкнул спутника в бок и прошипел:

— Точно, я видел! Шпик! Слушай, Яш, давай дойдем до переулка, а потом как припустим!

— Ни в коем случае! — возмутился Яков. — Он же пока не знает, что мы его срисовали. Пусть ходит. А мы посмотрим — он один такой или их несколько?

— Срисовали? — озадаченно переспросил Николка. — Это как?

— Ну, то есть заметили слежку, — пояснил Яша. — Вы что, книжек про сыщиков не читаете?

Николка помотал головой:

— Нет, я больше люблю про путешествия. Майн Рид, Жюль Верн. Не приходилось?..

— Приходилось, а как же! Ладно, о книгах потом поговорим, а сейчас — давайте в переулочек; и бога ради, пан Никол, делайте... то есть делайте вид, что не замечаешь его!

Мальчики свернули в переулочек и ускорили шаг. Николке

страсть как хотелось повернуться и посмотреть, как там шпик. Яша, наоборот, головой не вертел, шел прямо, слегка ссутулившись, — и все время прибавлял шагу, едва-едва не переходя на бег. Шпик, шедший по другой стороне переул-ка, вдруг остановился и оглушительно свистнул; и тут же из подворотни навстречу мальчикам шагнули трое.

Яша с Николкой замерли как вкопанные: перед ними стоял франтоватого вида господин в дорогой суконной паре и котелке. Весьма приметный господин — поперек его правой брови шел глубокий шрам, отчего сама бровь была как бы вздернута; казалось, господин удивленно ее поднимает.

За плечами его мялись два угрюмых типа, каждый на полголовы выше предводителя. Типы, как и господин в котелке, одеты не по июньской погоде — в темное сукно. И явно страдали от жары: у того, что справа, физиономия исчерчена дорожками пота.

Яков схватил Николку за руку:

— Бежим, пан Никол! Это и есть Ван дер Стрейкер, а эти — они меня ловили!.. — и рванул наискось по мостовой, надеясь проскочить мимо соглядатая в канотье.

Бельгиец (если это был он) махнул тросточкой; типы кинулись на мальчиков. Николка увернулся от выставленных лапищ и проскочил в подворотню дома напротив; Яша следовал за ним. Они бежали сломя голову, а за спиной грохотали тяжелые башмаки: бам-м-бам-м-м-бам-м!

Проскочив один за другим два проходных двора, беглецы выскочили на Гороховскую. Там былолюдно; Николка с разбегу чуть не сбил разносчика с пирамидой медных тазов на голове, увернулся от пролетки и выскочил на тротуар. Мельком обернувшись, мальчик увидел, что преследователи перешли на быстрый шаг и следуют по другой стороне Гороховской, ни на секунду не теряя беглецов из виду.

— Так, — прошипел Яков. — Сейчас дойдем до перекрестка, там наверняка городской. Остановимся возле него и подумаем, что делать. При нем не тронут.

Городового, что стоял обычно на углу Гороховской, Николка хорошо знал — это был тот самый квартальный, что заходил к ним с гимназическим надзирателем, расследуя

дело о «газовой атаке». Стоп! Как же он мог забыть, нарочно ведь домой заходил!

— Нет, сделаем по-другому, — зашептал Николка. — Сейчас сворачиваем в подворотню, а дальше — сам увидишь. Главное — держись за моей спиной, шагах в трех. Как побегу — давай за мной со всех ног. Выскочим в переулок, а там и до гимназии рукой подать. Там всегда либо швейцар гимназический, либо дворник — при них не посмеют...

Яша не ожидал от спутника такой решимости.

— Что вы затеяли, пан Никол? Они же нас в этой подворотне передавят, как котят!

— Не спорь! И вообще — сколько можно со своим «паном», договорились же! Все, сворачиваем...

Мальчики оказались во дворе; там никого не было, только скучающий кабыздох лениво твякнул на незваных гостей. Николка остановился, обернулся и, стоило преследователям появиться из темного провала подворотни, шагнул навстречу и вскинул руку.

Раздалось тихое шипение. Типы отпрянули — видимо, удивившись, что беспомощная жертва ни с того ни с сего сменила поведение. Но удивление длилось недолго — на смену ему пришло нестерпимое жжение в глазах. Двор огласили крики страха и боли; проснувшийся от полуденной спячки пес рвался с цепи, захлебываясь злобным лаем. Один из преследователей, раздирая пальцами веки, ткнулся в стену и сполз на землю; другой, несмотря на адское жжение, попер на обидчика; он слепо шарил перед собой руками, надеясь схватить жертву, неожиданно оказавшуюся такой кусачей.

Шипение умолкло — аэрозоль, потраченный во время стычки с гимназическими хулиганами, закончился совсем. Николка отшвырнул баллончик и почувствовал легкое жжение в глазах; перцовая завеса вот-вот готова была накрыть их с Яшей. Мальчик опрометью бросился прочь с отравленного газом двора.

Не помня себя, мальчики добежали до гимназии; там они остановились, переводя дух. Николка тяжело, с хрипом дышал; Яша опирался на чугунные прутья ограды. Ставшие вдруг ватными ноги больше его не держали...

Дворник возился в противоположном углу двора и вроде не обращал на них никакого внимания. Но это пока — не стоило испытывать судьбу и задерживаться во дворе гимназии сверх необходимого.

— Здорово, — сипло выдавил из себя Яша. — Чем это ты их так, Никол? Тем же, что и тех троих?

— Ты и это знаешь? — растерялся Николка. Его каждый раз ставила в тупик Яшина осведомленность: оказывается, он знал о Николке и его друзьях из будущего куда больше, чем можно было ожидать. — Расскажу как-нибудь. А сейчас — давай дворами к нашему дому. Опасно, понимаю, — а что делать?

— Пошли. — Яша, придя наконец в себя, отлепился от ограды. — Им сейчас, я думаю, не до нас. А вы непросты, пан Никол. Кабы знать — что у вас еще в рукаве припрятано?

— Ладно-ладно, сказал ведь: объясню, — недовольно буркнул Николка. — А сейчас уж прости, не время. И — опять ты со своим «паном»? Договорились же на «ты»...

До дома удалось добраться без происшествий — видимо, злодеи и правда не успели еще оправиться от последствий газобаллонной атаки, проведенной на девятнадцать лет раньше положенного срока¹. Устроившись в мастерской Олега Ивановича, мальчики наперебой обсуждали происшедшее и гадали, как быть дальше. За себя Яша не опасался — он был уверен, что сможет избежать как слежки, так и новой попытки захвата; в том, что бельгиец и его подручные пытались захватить их, сомнений не было. А вот способность Николки избежать нежелательной встречи вызывала у начинающего детектива сильнейшие сомнения. Да тот и сам не особо обольщался, хоть и испытывал некоторый подъем после выигранной баталии, тем более что заветный баллончик с перцовым аэрозолем пуст. Кстати, о баллончике...

— Яш, а Яш, ты хорошо тот двор запомнил? Надо бы вернуться, а то я с перепугу бросил там кое-что...

Яша безнадежно махнул рукой:

¹ Впервые боевые газы были массово применены немцами во время Первой мировой войны, 22 апреля 1915 года, около города Ипр.

— Это ту штуку, из которой вы им в глаза прыснули? Поздно. Наверняка уже прибрал кто-нибудь.

Расстроенный Николка кивнул. Оплешность была налицо — баллончик из будущего, хоть и пустой, был утерян. А ведь Олег Иванович особо его предупреждал — избегать подобных... как он выразился? Анахронизмов, да. И вот на тебе...

— Вашей пропажи уже и след простыл, — продолжал Яша. — Двор-то заметили какой ухоженный? Наверняка после того, как мы оттуда сбежали, дворник пришел, а то и городской с перекрестка. Вполне мог услышать, как те двое орали... А не дворник — так сами они и подобрали. Хотя нет, им, пожалуй, было не до того.

Николка встревожился:

— Знаешь, Яш, не дай бог, кто-то видел, как мы от этих негодяев отбивались. Если до квартального дойдет, он сразу припомнит об истории с Кувшиновым. Ведь и месяца не прошло, а уже второй похожий случай — и вновь какой-то гимназист замешан! А не приведи господь, еще и меня ему опишут... что делать-то? Если он вновь с расспросами к дяде Василию явится — все пропало...

На Николку было жалко смотреть — перспектива встречи с городовым подействовала на него куда сильнее, чем стычка с посланцами Ван дер Стрейкера. Яков поспешил успокоить товарища:

— Да ладно, соврете что-нибудь. Пускай сначала докажет, что это вы были! Мало ли здесь гимназистов!

Николка уныло помотал головой:

— Нет, Яков, ты не понимаешь. Я дяде врать не умею, он сразу все поймет. Он бы и тогда догадался, но городской сам в историю с кислотой не поверил — вот и обошлось. А сейчас...

— Может, еще и не будет ничего, — утешал мальчика Яша. — Может, городской и не слышал. И не видел никто, наверное! А эти двое уж точно в полицию жаловаться не побегут — авось обойдется. Вы... ты то есть, лучше думай, что нам дальше делать? Меня им не найти, а вот тебе как быть? В полицию — нельзя, там живо примутся расспрашивать —

и что вы им скажете? В ваш двор эти негодяи, конечно, не сунутся, а вот из дома пока лучше не высовываться.

Часы в гостиной Семеновых пробили семь раз. Николка уже полчаса как сидел за столом и тарашился в экран ноутбука. Он никак не мог сосредоточиться на тексте, хотя книга — роман «Хождение по мукам», действие которого происходило в начале двадцатого века, — была по-настоящему захватывающей. Автором значился Толстой — Николка поначалу решил, что это тот писатель, что лет десять назад написал скандально известный роман «Анна Каренина». Сам Николка, разумеется, не читал этой книги, безоговорочно записанной в категорию «неподходящих для детей», но имя запомнил. Оказалось, что автор романа, чьи строки чернели сейчас на мониторе, — однофамилец, а может, даже и потомок, родственник графа Толстого.

Николка со вздохом свернул окошко с текстом. Настроение было — хуже некуда. Яша ушел около часа назад, взяв с него обещание не соваться на улицу. Как назло, кухня Маринка была дома — после того как девочка стала свидетельницей стычки с Кувшиновым, мальчик избегал ее общества; мало ли что придет в голову взбалмошной барышне? А потому электронику мальчик предпочитал держать не в своей комнате, а на квартире друзей, благо Олег Иванович оставил ему ключ. Здесь Николка был избавлен от досужего любопытства домашних и мог без помех наверстывать упущенное. За те сумасшедшие полтора месяца, что прошли с момента появления портала, у него нашлось время на что угодно, кроме одного: разузнать о том, что ждет Россию, да и весь мир, в те сто двадцать восемь лет, что разделяли 1886 и 2014 годы. Нет, конечно, кое-что он выяснил — в основном из случайных рассказов Вани. И вот теперь, пока Семеновых в Москве нет, у Николки наконец есть время, чтобы познакомиться с грядущей историей. Но с чтением не клеилось, голова была забита куда более насущными делами.

Увы, Яша оказался прав — Николка сам убедился, что дом Овчинниковых взят под наблюдение. И это, конечно, сделано по приказу бельгийского авантюриста с неприят-

ным именем Ван дер Стрейкер. Николка, вслед за Яшей, имел все основания думать, что бельгиец имеет самое прямое отношение к исчезновению первого владельца коптских четок — того ученого, который нашел (а может, и сам открыл?) портал в будущее. И раз так — где уверенность, что зловещий бельгиец не знает о проходе во времени? Да скорее всего, знает — иначе зачем ему так упорно шпионить за домом?

И, как назло, не с кем было посоветоваться! Яша не знал о волшебных четках; друзья из будущего плыли на пароходе по Черному морю. А предпринять что-то нужно, притом в самое ближайшее время! Николка понимал, что время работает на бельгийца: пока мальчик сидит на квартире Семеновых и гадает, иноземный злодей наверняка строит новые козни. Николка задумчиво пощелкал клавишами выключенного ноутбука — и вдруг хлопнул себя ладошкой по лбу.

Ну конечно! Как можно было забыть?! Доктор Каретников! Человек, спасший его от болезни, — и единственный, кто знает о портале! Недаром Олег Иванович посоветовал в самом крайнем случае обратиться к доктору. А что это, если не «самый крайний случай»?

Николка почувствовал громадное облегчение — он не один, есть с кем посоветоваться, а значит — положение не столь уж и безнадежно. Есть, правда, препятствие — доктор в будущем, по ту сторону портала...

Мальчик вытащил из ящика стола мобильник. Нажал кнопку — приборчик пискнул, включаясь; по экрану пробежал логотип сотового оператора, мигнул значок «сеть не найдена». Николка нажал другую кнопку, с зеленой трубочкой — в квадратном окошечке высветился длинный номер.

«В памяти аппарата только один телефон, — говорил Олег Иванович. — Это мобильник Макара; ну, доктора Каретникова. Если что — выходи на связь в любое время дня и ночи, он поможет. Только запомни: прошел через портал — и СРАЗУ, ни на шаг не отходя от дома, звони! Изложишь все как есть, а потом — делай то, что скажет Макар, слово в слово. Телефона на той стороне не выключай ни на минуту, он тебя найдет и поможет, что бы ни случилось».

Олег Иванович говорил — «в любое время дня и ночи», —

но уходить из дома в такое время страсть как не хотелось. Мало ли, сколько времени придется провести там, в будущем? Он и так засиделся у Семеновых, тетя Оля, наверное, волнуется... Нет, лучше отложить визит в будущее на завтра. За ночь, надо надеяться, ничего страшного не случится, да и завтра соваться на улицу не придется — в портал можно войти прямо со двора.

Приняв решение, мальчик почувствовал, что у него словно гора с плеч свалилась. Сунув мобильник в карман, Николка опустил крышку ноутбука и торопливо покинул квартиру.

ГЛАВА 5

Техника будущего еще ни разу не подводила Николку. За время недолгого знакомства с этими волшебными приспособлениями мальчик привык, что они всегда работают как надо, — если, конечно, делать все правильно и нажимать нужные кнопки. Всегда!

Вот и на этот раз — выйдя из портала, мальчик в точности выполнил указание Олега Ивановича: не медля ни единой лишней секунды, он достал мобильный телефон. Черная коробочка мигнула экраном, высветила вожделенный номер доктора... и погасла. Николка не поверил своим глазам, заученно нажал кнопку с красной телефонной трубкой... телефон опять мигнул, пискнул, экран загорелся, но вместо привычного логотипа сотового оператора на нем появилось «зарядите аккумулятор». Мальчик трижды повторил эту операцию — напрасно. Телефон с унылой безнадежностью выдавал одну и ту же рекомендацию, а в последний раз не сделал даже этого — погас, едва мигнув экраном.

Оставалось... что? Вернуться? И сидеть сычом, ожидая, когда зловредный Стрейкер придумает, как выкурить его из дома? Или попросить помощи у дяди — и выдать тщательно охраняемую тайну? Подвести друзей, которые уехали на край света, доверившись ему, Николке? Немыслимо. Мальчик вспотел, руки его дрожали — а проклятый аппарат по-прежнему не подавал признаков жизни!

Но ведь можно попросить у кого-нибудь помощи, сооб-

разил Николка. Вот как раз навстречу шагает господин в странной пятнистой, явно военной форме. Даже при погонах — тоже зеленого цвета. Правда, без сабли, но подобная мелочь не могла смутить попавшего в переплет мальчика:

— Господин офицер! Простите великодушно, вы мне не поможете?

Майор остановился:

— Что у вас стряслось, молодой человек? Обидел кто?

— Да нет, вот... не работает, а очень нужно позвонить. Не посмотрите, в чем дело?

Офицер взял у подростка простенький «Самсунг» и попытался его включить. С известным уже результатом.

— Э-э-э, парень, да у тебя батарея сдохла, — сказал офицер. — Надо вовремя на зарядку ставить.

Но, увидев, как понурился мальчик, смилостивился и достал свой мобильник.

— Что, очень позвонить надо? Давай, говори номер, сейчас сделаем...

— Номер? — Николка с ужасом понял, что не удосужился запомнить телефон Каретникова. — Там, кажется, сначала восьмерка... потом четыре... или пять?

Майор развел руками:

— Ну, брат, тогда я тебе помочь не могу. Раз номера не знаешь — беги домой, втыкай в зарядку. — И, ободряюще похлопав мальчугана по плечу, отправился по своим делам. Николка уныло проводил его взглядом и вдруг встрепенулся.

Как он мог забыть? «Зарядка»! Плоская коробочка с радужной зеркальной панелью, пристроенная на самом солнце, — он же сам каждый день подключал плоский ящик ноутбука! Может, от нее и телефон получится зарядить? Назад, в портал — и срочно испробовать!

Отсутствие навыка в обращении с электроникой сыграло с Николкой злую шутку: мобильный телефон, включенный с вечера, всю ночь старательно искал сеть — и к утру окончательно разрядился. Нет, Олег Иванович, конечно, оставил Николке «родную» самсунговскую зарядку, — но не удосужился объяснить, как вынимать из нее снабженный USB-разъемом шнур и подключать его в гнездо эппловской «солнечной» панели. Для жителя двадцать первого века по-

добные операции настолько естественны и очевидны, что ни Олегу Ивановичу, ни его сыну и в голову не могло прийти что-то специально разьяснять.

И вот результат — плоская гребенка с магнитиком, с помощью которой «Мак-Эйр» подключался к «солнечной» батарее, никак не влезала в разъем телефона. А куда всунуть вилку телефонной зарядки, Николка так и не отыскал, хотя и тщательнейшим образом осмотрел оба устройства. Потратив на эти манипуляции полчаса, мальчик сдался — и теперь в полнейшем отчаянии сидел у окна во двор. К тем, что выходили на улицу, он подходить боялся — а вдруг за домом уже наблюдают?

Но отчаиваться Николка не собирался. Для начала он стал припоминать свои путешествия в будущее — шаг за шагом, старательно выискивая в памяти все, что было так или иначе связано с мобильными телефонами. Вот они с Ваней и его отцом в огромном торговом центре... вот Олег Иванович выбирает для Николки модель и спрашивает, хорошо ли он различает значки на кнопках... вот Ваня зовет продавца в смешной ярко-желтой кепочке с синими буквами и крошечным российским флажком... есть! В нескольких шагах от дома на Гороховской — то есть на улице Казакова, как ее называют в будущем, — располагается лавочка с такой же вывеской, как и на той, где они покупали Николкин телефон! А что, если обратиться за помощью к приказчику? Может, он оживит непослушное устройство? Николка, если потребуется, заплатит — Олег Иванович оставил мальчику изрядную сумму в деньгах, имеющих хождение в будущем. Николка не знал, сколько это может стоить, — но ведь не дороже самого телефона! Сколько он там стоил? Три тысячи, кажется? Мальчик принялся отсчитывать неприличные купюры, как вдруг...

— Николая! Куда ты запропал, *malheureux garçon*?¹ — Голос Ольги Георгиевны оторвал Николку от размышлений. — Сколько можно тебя разыскивать? Иди домой скорее, обедать пора!

И надо же было ему устроиться на подоконнике! И теперь — вместо того чтобы приводить план в действие, при-

¹ Негодный мальчишка

дется тащиться домой хлебать Марьянин борщ с пирожками. А на десерт — слушать о том, как через неделю они переселятся на дачу, а там и Николку отправят к отцу, в Севастополь, залечивать на южном солнышке последствия его недавней пневмонии. Но спорить с тетей было заведомо бессмысленно — Ольга Георгиевна все равно настоит на своем. Николка нехотя поплелся домой. Ну ничего, пару часиков придется потерпеть, а там — у тети наверняка найдутся какие-то дела, и он без помех сделает все, что задумал.

— У вас какие-то затруднения, юноша?

Николка обернулся. Перед ним стояла высокая миловидная блондинка, одетая по меркам будущего (мальчик уже начал привыкать к здешним нарядам) достаточно консервативно: легкая блуза с кружевами, юбка, не настолько длинная, чтобы ее сочли приличной в 1886 году, но все же прикрывающая колени, и коротенький жакет. Серые глаза незнакомки смотрели на мальчика участливо и заинтересованно.

— Нет... видите ли, мадмуазель, я... вы не знаете, где здесь можно зарядить вот такой аппарат? Мне очень нужно позвонить, только номер в памяти, а он... — И мальчик протянул девушке «Самсунг».

Та, лишь мельком взглянув на мобильник, кивнула:

— Вам повезло, молодой человек. У меня дома есть зарядка, подходящая к вашему аппарату. Я живу здесь, в двух шагах. Если хотите — зайдем, а пока будет заряжаться, я вас чаем напою. Согласны?

Еще бы Николка не был согласен! Сбивчиво поблагодарив спасительницу, он последовал за ней, за угол, и дальше — через проходные дворы, смутно знакомые в его веке, но неузнаваемо чужие. Девушка шла, быстро говоря что-то в серебристую коробочку своего телефона. Николка уловил только обрывки фраз, но ничегошеньки не понял:

— Да, Вить... «Самсунг», Жи-Ти-Эс 55-10. А как хочешь. Да, минут через пять. Что? Наш гость? Пусть пока присмотрится, а там видно будет.

Войдя в третий по счету двор, незнакомка свернула к подъезду.